

МЕТАМОРФОЗЫ БЫТИЯ В «ИГРОВОМ» ПРОСТРАНСТВЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЕЛЕВИНА

Жуманбоева Муслимабону Баходиржон кизи

Магистр 2го курса Узбекского государственного университета мировых языков

Аннотация: *Творчество В.Пелевина подпадает под определение прозы условно-метафорической, в которой посредством различных форм и приемов условности реальность переплавляется в фантасмагорический, образованный потрясающими парадоксами, абсурд. И именно метаморфозы, удивительные превращения, составляют внешнюю, а подчас и внутреннюю оболочку этих парадоксов.*

Ключевые слова: *постмодернизм, прием, абсурд.*

METAMORPHOSES OF BEING IN THE "GAME" SPACE OF V. PELEVIN'S
WORKS.

Annotation: *V. Pelevin's work falls under the definition of conditional-metaphorical prose, in which, through various forms and methods of convention, reality is melted into phantasmagoric absurdity formed by stunning paradoxes. And it is metamorphoses, amazing transformations, that make up the outer, and sometimes even the inner shell of these paradoxes.*

Key words: *postmodernism, reception, absurdity.*

Личность Виктора Пелевина и его творчество вызывают в обществе сильный резонанс. Писательский стаж Пелевина сравнительно невелик. Первая публикация – сказка «Колдун Игнат и люди», напечатанная в журнале «Химия и жизнь» в 1989 г. Несмотря на молодость, в 1993 г. Пелевин получил Малую Букеровскую премию за сборник рассказов «Синий фонарь». Наиболее популярные его произведения – «Чапаев и Пустота», «Омон Ра», «Жизнь насекомых» «Поколение П».

С нашей точки зрения, наиболее приемлемым и интересным для исследования является роман «Омон Ра». В нем постмодернистские черты видны более отчетливо; к тому же основная идея произведения – развенчание мифа о героической советской космонавтике – изложена более конкретно и компактно, чем философские изыски в других романах. В повести «Омон Ра», используя приемы соц-арта, Пелевин раскрывает роль идеологии в управлении человеческим сознанием. Посредством пародийной игры с текстами официальной культуры он осуществляет деконструкцию коммунистического метанарратива. Пелевин создает постмодернистскую версию популярного в советской литературе «романа воспитания». Воспроизводя типичные для него идеологемы, характеры, сюжетные положения (представленные в виде симулякров), писатель трактует их в трагическом, абсурдистско-комедийном ключе.

Коммунистическая идеология оказывается фактором не улучшающим, а калечащим человека: деформирующим его сознание, навязывающим комплекс жертвы, для которой собственная жизнь не имеет ценности. Писатель прибегает к буквальной реализации «обоймы» метафор, составлявших сердцевину коммунистического метанарратива: «школа мужества», «жизнь-подвиг», «настоящий человек» и др., подвергая их снижающе-пародийному перекодированию, помещая в кафкианский контекст. Так, обещание замполита летного училища имени Маресьева сделать из курсантов «настоящих людей» получает воплощение в ампутации ног молодых ребят нового пополнения, которых затем учат передвигаться на протезах. «Настоящие люди» в рассматриваемой системе координат — изувеченные люди. Их сознание намертво заблокировано идеологическими муляжами, подменяющими собой реальность. Не случайно Б. Пастернак уподоблял советские взгляды костылям, без которых отученные самостоятельно думать калеки не в состоянии ходить. Под «советскостью» же он понимал нежелание взглянуть на жизнь как она есть. У Пелевина государственная пропаганда играет роль декораций, заслоняющих собой действительность, создающих ее ложный образ. Из повести видно, что дело коммунизма живет и побеждает лишь в сознании его приверженцев. Впитанное с младых ногтей воспринимается уже механически, как неоспоримая истина, особенно если «заверено» именем Ленина. Пелевин использует прием комической абсурдизации ленинских высказываний, которые разбавляет разноконтекстуальными пропагандистскими штампами, и показывает, что бессмысленности воспроизведенной абракадабры никто не замечает. Комическими фигурами оказываются в произведении и партийцы-воспитатели «настоящих людей» — Урчагин и Бурчагин, представленные в виде травестированных двойников Корчагина. Их слепота и парализованность у Пелевина — такая же буквально реализованная метафора, как безноготь курсантов, — зримое воплощение идеологической зашоренности, ничем не пробиваемого догматизма. Пелевинские персонажи напоминают гротескных «слепых» Брейгеля, не ведающих, куда идут, убогих и нелепо-смешных одновременно. Их безграничный оптимизм, как и у «танцоров» Брейгеля, — идиотического свойства. В сущности, перед нами два придурка, назначенные в поводыри. Писатель развенчивает культ жертвенности, утверждавшийся представителями социалистического реализма и рассматривавшийся как высшее выражение жизни-подвига. Если в древности жертвоприношения приносились богам или духам, то с ходом времени место последних заняли идеалы и принципы. XX век характеризуется диктатурой мировых идей, подчиняющих себе сознание людей и признающихся более ценными, чем человеческая жизнь. Жертвенный идеализм, формирующий психологию «смертников», становится в повести объектом травестирования. Подготовка экипажа Омона Кривомазова к «подвигу» — самоубийству больше всего напоминает детскую игру в космонавтов в кабине дощатой ракеты во дворе. «Смертники», однако, играют в нее совершенно серьезно, и играют под руководством «слепых» паралитиков и «безногих»

инвалидов. «Протезом» в этом случае становится весь человек, используемый вместо автоматического устройства. Выполнение задания должно завершиться выстрелом в висок, дабы скрыть цену «научного» эксперимента. Абсурдизм воспроизводимой ситуации неотделим от пародирования коммунистического метанарратива, посредством которого происходящее оправдывается, и, следовательно, — от комедийной подоплеки. Советская система предстает в повести как идеологическая фабрика по производству социальных мифов и людей с изувеченным сознанием. Пелевин воссоздает, однако, и вариант прозрения «жертвы», обнаруживающей себя среди полусгнивших идеологических декораций. Не по собственной воле, а в силу обстоятельств «смертник» Омон Кривомазов остается в живых. Пелена, замутнявшая его сознание, рассеивается. Из мира фикций он бежит в мир реальности, который по-настоящему еще предстоит познать. Деконструкция текста советской культуры, осуществляемая писателем, способствует рассеиванию идеологического дурмана, раскрепощению умов. Сферой сознания Пелевин не ограничивается.

В произведениях течения соц-арта идея нелепости официальной идеологии отражается с помощью фактов социалистической реальности в гротескном изображении, ироничном осмыслении. То есть соц-арт, используя в творчестве стиль советского искусства, погружает соцреалистические элементы в другой контекст с целью профанировать источник. Таким образом, произведение соц-арта использует принцип интеграции советской ментальности в бесконечную смысловую игру с читателями путем манипуляции идеологическими знаками. Именно подобная игра становится основой фабулы, а так же внешнего конфликта романа «Омон Ра». В процессе развертывания сюжета герой одновременно с читателем переживает крушение иллюзий в отношении советской космонавтики и ее достижений, т.к. «единственным пространством, где летали звездолеты коммунистического будущего, (...) было сознание советского человека»²¹. Но, несмотря на это, в реальности существуют все атрибуты, утверждающие обратное: общественное мнение, средства наглядной агитации и массовой пропаганды. Таким образом, за неумением достигнуть грандиозных целей усиленно и умело создается миф о социалистических подвигах. Именно это переосмысление действительно существующего мифа придает произведению еще и концептуалистский привкус.

В произведении идея деконструкции мифа о советской космонавтике передана прежде всего изображением откровенной симуляции фактов советской действительности, а конкретно – полетов в космос. Абсурд ситуации заключается в том, что советские самолеты летают только вдоль границы, «чтоб американцы фотографировали»²², в стране нет, по сути, ни авиации, ни настоящих летчиков, офицеры-истребители ни разу не сидели за штурвалом настоящего самолета, автоматику космических кораблей осуществляют живые люди, выполняя роль

²¹ Пелевин В. Сочинения: в 2 т. Т.1: Омон Ра: Роман; Бубен нижнего мира: Рассказы. – М.: Терра, 1996. С. 14.

²² Там же. С 38.

орбитальных ступеней и погибая по мере выполнения задачи; а космические корабли вообще не летают в космос, а, согласно злой иронии автора, только инсценируют полет под многометровой толщей земли. На первый взгляд, замысел автора – противодействие, противостояние официальной идеологии недалекого прошлого, желание внести свою лепту в разрушение поверженной системы. Этой же цели отвечает переосмысление Пелевиным теории подвига. Подвиг как акт усиленно и умышленно превозносился во все времена, и особенно – при советской власти. От истинно советского человека требовалось максимум самоотречения, готовность пожертвовать всем ради Родины, партии, коллектива. В соответствии с этим действительно создавались мифы о людях, отдавших жизнь за священные ценности социализма как в военное, так и в мирное время, в различных обстоятельствах – в бою, у станка, в тылу врага и т.д. При прославлении подвига люди, их совершившие, сами становились мифами: Александр Матросов, Алексей Маресьев, Юрий Гагарин, Алесей Стаханов и т.д. Ставя их в пример, идеология призывала к массовому повторению этих подвигов во имя Советского государства. Но дело в том, что само понятие «подвиг» предполагает добровольное, самоотверженное движение души, имеющее своим следствием те или иные действия. К тому же подвиг тем и отличается от обычных поступков, что является исключением, редкостью, единичным явлением.

На идею деконструкции мифа работает и авторская ирония, граничащая с абсурдом и выраженная в деталях. Так, например, первый советский космонавт товарищ Лайка носит мундирчик с погонами генерал-майора с двумя орденами Ленина, и, несмотря на то, что это совершенно старая собака с красными глазами, которая пьет коньяк из блюдца, считается героическим советским служащим. Начальство в Зарайском летном училище украшает свой кабинет хрустальной люстрой в виде авиабомбы и орнаментом «из серпов, молотов и увитых виноградом ваз»²³, что являет собой нарочитое бравирование атрибутами советской власти без меры и какого-то разумного начала. Подобные детали своей нелепостью и назойливостью подчеркивают абсурдность ситуации. Если бы не был драматичным сюжет, они бы придавали юмористический оттенок, но в данном контексте они подчеркивают довлеющую власть системы.

Проблему демифологизации можно назвать внешним, четко выраженным уровнем произведения.

Произведение В.Пелевина отличается многослойностью и включает в себе много разнообразных проблем, как глубоко рассмотренных, так и едва затронутых. Деконструкция мифа является лишь внешним планом произведения, который по рассмотрению оказывается не столь важным. На его основе автор затрагивает идеи философского плана. Раскрывая симулятивную природу советской действительности, он показывает способ создания несуществующей реальности. Для героев

²³ Пелевин В. Сочинения: в 2 т. Т.1: Омон Ра: Роман; Бубен нижнего мира: Рассказы. – М.: Терра, 1996. С. 28.

произведения, руководителей государства и военачальников совершенно не важно, существуют ли полеты в космос, самолеты, ядерные взрывы на самом деле. Главное, чтобы это все существовало в сознании врага и собственного народа и в этом сознании одерживало победу над чуждой идеологией. Важно овладеть сознанием, а не действительностью, и построить в нем свой мир. По словам одного из героев, товарища Урчагина, «пока есть хоть одна душа, где наше дело живет и побеждает, дело это не погибнет»²⁴. Его убежденность сродни мнению классика, и данная фраза очень близка к идее «Памятника» А.С Пушкина. При этом оказывается, что гораздо важнее (и труднее) создать мифологизированное сознание советских людей, чем демонстрация силы и могущества врагу, т.к. второе невозможно без первого. Если народ уверен в своем могуществе и правоте, то убедить в этом другие государства будет нетрудно. Подобное безоговорочное утверждение, усугубленное нечеловеческим напряжением сил для создания иллюзии, которая после мгновенно рушится, колеблет уверенность читателя в существовании реальности вообще, заставляет во всем подозревать симуляцию, хотя факт симуляции в космонавтике и псевдоподвиг Попадьи и представляет собой реальное состояние психологии советского обывателя, цель его жизни, диктат воли и поступков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998.
2. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН, Интрада, 2001.
3. Пелевин В. Чапаев и Пустота // Знамя, 1996. – № 4 – 5.
4. Пелевин В. Сочинения: в 2 т. Т. I: Омон Ра: Роман; Бубен нижнего мира: Рассказы. – М.: Терра, 1996.
5. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001.

²⁴ Пелевин В. Сочинения: в 2 т. Т.1: Омон Ра: Роман; Бубен нижнего мира: Рассказы. – М.: Терра, 1996. С. 107.